

Часть I

Москва, апрель 2009 года

не понимаю, что произошло. А вы понимаете? Ерунда какая-то, правда?

Куда ни сунься — в телевизор, Интернет или просто в битком набитый людьми вагон Московского метро, — все одно: кризис, кризис, кризис...

Привычный мир рассыпался, разбился вдребезги, горсть осколков былой роскоши равнодушно ранит ладонь. И можно, наверное, собрать колкий пазл, старательно пытаясь сохранить хотя бы внешние атрибуты прежней жизни. Но это будут только атрибуты, лишь видимость. А прежней жизни уже не получится.

Ой, вот только не надо говорить мне о том, что все давно к этому шло, и американский доллар — зеленые фантики, не обеспеченные золотовалютными резервами, и экономики всех стран интегрированы настолько сильно, что биржевой смерч на другом континенте уже через секунду лихорадит Россию. Я тоже умею перебирать длинные струны предло-

жений, извлекая мелодии, уместные в той или иной ситуации. Честное слово, более чем прекрасно делаю это. В конце концов, не так давно за подобное жонглирование фразами мне платили хорошие деньги.

Впрочем, это все — лишь слова. Слова — не обязательно правда. А в случае с кризисом они вообще не являются ни правдой, ни объяснениями, ни оправданиями.

Правда в том, что люди много работали. Жертвовали нормальными семейными отношениями, отдыхом, увлечениями. Они скупо цедили жизненную сущность, ограничивая краски, эмоции, запахи. Они понижали градус собственного счастья до минимальной отметки, достаточной лишь для того, чтобы в полном соответствии с дресс-кодом деловито сновать по комфортным ячейкам офисных клеток. Хотя никто ведь и не собирался всегда довольствоваться этой хилой, как серый поток в талии песочных часов, струйкой жизни. Предполагалось дошагать до желанной ступеньки карьерной лестницы, дотянуться до возжеленного кресла, забросить ноги в правильных итальянских туфлях за пять штук гринов на стоящий в правильном кабинете правильный стол, и вот тогда... Тогда будет все. Любовь, красиво и чувственно, как у Тинто Брасса. Капитал — Михаил Прохоров нервно курит в сторонке. Приключений — больше, чем у покорившего все моря-океаны Федора Конюхова. Но у большинства людей этого «тогда» уже никогда не случится. Потому что случился кризис. И я, к сожалению, не исключение.

Все происходящее кажется кошмарным сном. Невозможно поверить, что последние события косну-

лись меня. *Это меня-то! Мне всегда представлялось: лузерство — удел слабых, со мной ничего подобного не может произойти в принципе. Но тем не менее сначала урезается соцпакет, потом зарплата, затем предлагается работа, на порядок ниже оплачиваемая. И в этой ситуации увольнение становится меньшим унижением, чем получение суммы, которой хватает на три ужина в приличном ресторане...*

Оказывается, топ-менеджер — такая смешная ненадежная профессия. Несколько лет назад мне казалось: кто, если не они, занимается интересным делом и хорошо живет. О, ради таких перспектив стоит потерпеть. И пожертвовать курортом, но получить очередной сертификат МВА и променять опять не сделанного младенца на новую должность. Ну и вот теперь, значит, приплыли. Работы нормальной нет, детей нет. Перспектив тоже нет никаких. Наш сегмент на рынке услуг будет лежать еще лет пять минимум...

Меня наполняет изумленная звенящая боль. Тону в океане свободного времени, захлебываюсь ничегонеделанием. Ломает, как наркомана. Вспоминаю свой кайф, свою дозу: прорваться через автомобильные пробки на совещание; придумать план, низвергающий конкурентов; с деланным равнодушием пожимать плечами, слушая восторги изумленного руководства. Вечно пьяная в последнее время голова постоянно перемешивает винегрет из слов и фраз, политых, как майонезом, горьким отчаянием. Но что теперь фонтанировать идеями, пережевывать то, что было сказано, что, возможно, следовало бы сказать? Поезд ушел, квадратик последнего вагона скрылся с глаз,

и надо пытаться со всем этим как-то жить... Однако как пытаться?! Слишком страшно, мучительно холодно, не хочу, не могу. Лучшее средство от страха и для тепла — дешевый виски.

Когда вдруг неожиданно трезвею между двумя бутылками — понимаю, что жизнь прошла, ничего в ней не было, все усилия насмарку. Судорожно пытаюсь прогнать грустные мысли, но получается плохо. Только кошмарные сны иногда дарят легкое забытье. Вот в моих снах кризиса нет. Но, может, лучше бы он там был...

Мне все время снится Дима — последний, несостоявшийся, непробованный. Вообще любой Дима — для меня, как правило, ловушка, западня. Не знаю, в связи с чем, у меня нет логичного объяснения, только роковой опыт. Если у парня такое имя — мое дело плохо. Почему-то именно к этому имени прилагаются обжигающие глаза, искушение губ, устоять перед которым невозможно, и такие красивые изящные руки, что мгновенно хочется ощутить их неспешное скольжение по своему телу.

У него имелся полный комплект: имя, интеллект, внешность. Диму называли Аленом Делоном нашего холдинга. Действительно, походил: темными волосами, раздевающим невинно-порочным взглядом, уверенными манерами избалованного вниманием красавчика. И он сразу же стал плести для меня паутину из сетей своего обаяния. Но — не срослось, хотя мне лично отчасти даже хотелось. Однако... Дима был ниже ста семидесяти сантиметров ростом, примерно сто шестьдесят семь — сто шестьдесят восемь. Ничего не могу с собой поделатъ, размер для

меня имеет значение. Не по той позиции, которую мальчики всегда измеряют линейкой. Смотрю именно на рост, прежде всего — на рост. В моих глазах привлекательный мужчина начинается от ста семидесяти пяти сантиметров. Все, что ниже, меня интересует в вертикальной, а не горизонтальной плоскости: дружба, сотрудничество, вражда, взаимная ненависть — но только не постель. Хотя к Диме, несмотря на все эти заморочки, меня тянуло со страшной силой. Мы даже нечаянно, но страстно поцеловались. Не сговариваясь, задержались после совещания. Сначала встретились наши пальцы, синхронно протянувшиеся, чтобы повернуть защелку в двери конференц-зала. От Диминого легкого прикосновения по телу сразу же побежал электрический разряд. Потом обожгло дыхание: «Приходи ко мне в гости. Буду любить тебя нежно. Или грубо. Скажи мне, как тебе нравится?.. И я дам тебе это...» Очень хотелось сгореть с ним, расплавляясь в бесстыдном, без запретов и предрассудков, сексе. Дима мог бы мне его подарить, он был моей крови, безбашенный, авантюрный, стремящийся к новым ощущениям. Только эти мои заморочки по поводу роста — как срабатывающие независимо от вожделения тормоза. Ну почему, почему он такой невысокий?!

Теперь я вижу это в снах — Диму, конференц-зал. Наш Алан Делон был модником, эстетом: голубая рубашка, алый галстук, прекрасно скроенный темный костюм. Любуюсь красивым мужчиной, но... Холодно. Так холодно! Как будто бы в овальной комнате работают сто кондиционеров на предельной мощности. Однако уже через секунду я вспоминаю: кондишены

ведь совершенно ни при чем. Просто Дима умер. Умер. Наверное, там, где он сейчас, холодно. И рядом с ним теперь все время ледяная стылость. Он даже в сны ее приносит!

Дима набрал кучу кредитов: на квартиру, машину, а недавно он затеял строительство загородного дома. С размахом, по высшему разряду: топ-менеджер должен жить достойно. Наши ежедневники предусматривали все: планы развития компании, личные цели. Только кризис в них не значился, и долговая западня, соответственно, тоже. В офисе никто не верил, что тот юнец из ресторана, с которым Дима сам затеял драку, оказался настолько сильным, чтобы действительно выбросить его из окна. Непосредственных свидетелей трагически закончившегося мордобоя не было. Но все мы знаем: Дима никогда не пропускал тренировки в фитнес-центре. С невысокими людьми так бывает: не имея идеального тела от природы, они доводят до совершенства то, что есть, и, как правило, добиваются ошеломляющего успеха. Пресс кубиками, проработанная грудь, мускулистая спина — парень сделал себе отличную фигуру. Да, невысоким, но сильным — вот каким он был. И еще, наверное, очень заботливым — на сознательную, хладнокровную маскировку самоубийства под несчастный случай ради спокойствия родных мало кто способен. Или его смерть — действительно роковое стечение обстоятельств? Вообще-то он не хотел доживать до старости. Говорил, что его пугают морщины, уродующие кожу, проблемы с волосами или зубами. Эстет —

про хвори и болячки, вечные спутники преклонных лет, — даже не заикался, а вот мысли об увядании красоты его пугали. Впрочем, мы все такие — то есть были такими, высокогламурными, стильными, притягивающими взгляды всех без исключения. Фитнес-центры, массажистки, косметологи, лучшие парикмахеры — по-другому нельзя, моветон, в этой среде надо быть и дельным человеком, и думать о красе ногтей. К элитному уходу за собой быстро привыкаешь. Как мне теперь обходиться без стрижки в «Tom & Guy»?! Как — без маникюра, педикюра и увлажняющих масок? Впрочем, речь о Диме. Итак, не знаю точно, самоубийство или несчастный случай. Но он ушел и почему-то полюбил заходить именно в мои сны.

Я вижу его красивое лицо. Он затягивается вишневой сигариллой, потом делает глоток коньяка. Желанные губы — сладкие — это уже известно. И сексуальный аромат «Dakkar Noir» от «Guy Laroche». Я все это уже знаю, помню, мне хочется других Диминых запахов, других вкусов, узнать бы его целиком и полностью, но...

Он опять — shit!¹ — отстраняет мои руки и говорит:

— Забей на все и на всех. Нарушай все правила, какие только можно нарушить. Настоящая жизнь — то, что есть здесь. Там — намного хуже и скучнее, чем можно себе представить. Причем знаешь, в чем прикол? Никто никого ни за что не наказывает! Нет никаких правил!

---

¹ Дерьмо (англ.).

Очень обидно, что хотя бы во сне между нами ничего не происходит.

Все-таки Дима остался для меня тайной. Не познанной по моей собственной вине. Я уже никогда не смогу разгадать эту загадку, и от этого ее привлекательность усиливается во сто крат.

Нет никаких правил.

Нет никаких правил...

Эти слова сверлят мой мозг, а потом я их заглушаю очередной порцией дешевого виски.

Интересно, как скоро закончатся отложенные деньги? Наверное, этот день не за горами — у меня просто не было необходимости заниматься экономией. Я не знаю цен. До недавних пор на вопрос, сколько именно в портмоне наличных, мне было бы сложно ответить вразумительно.

Все заканчивается. И денежная заначка тоже растает...

И что потом — переходить с качественных напитков на паленую водку? Собирать бутылки? Трудоустроиться по специальности с привычно высоким окладом шансов в ближайшее время нет. Довольствоваться, как и все, зарплатой в тысячу — максимум полторы — долларов? Но ведь я же обладаю большим опытом, редкими ценными знаниями! И гордость не позволит мне понижать планку, даже ежемесячная трешка штук для меня — ерунда. Привычки и пристрастия требуют значительно большего...

Ну и перспективы! За что, за что жизнь так обошлась со мной? За изматывающую честную работу? За отшлифованный, доведенный до совершенства интеллект?

Нет никаких правил...

Сначала мне просто нравится такое утверждение. Затем я с ним соглашаюсь. И вот оно уже становится моей сутью.

Все правильно: к черту все правила, нормы и рамки!

Есть только собственное удовольствие и собственные интересы.

А правил нет вообще никаких...

Эфес, I век н.э.

В сумрачном покое лупанария¹ царил промозглый холод. Огонек, едва дышащий через прорези закопченного керамического светильника, очерчивал на белой каменной стене желтоватое пятнышко. Однако оно то и дело исчезало: через окно комнату хлестали, как розги, жесткие порывы ветра.

Теренция с тоской посмотрела на этот узкий, довольно длинный прямоугольник, завешенный разве что свинцово-серым небом. А потом, сдернув с ложа грубое шерстяное одеяло, вскарабкалась в оконный проем.

Даже через подошву сандалий выставшие камни обожгли ступни холодом. Ледяной ветер быстро разобрался со складками ярко-голубой туники² и темно-синей палы,³ исступленно зацарапал нежное тело.

---

¹ В Римской империи так называли публичный дом.

² И женское, и мужское нижнее платье.

³ Женская накидка.

— Вот так-то лучше, — удовлетворенно пробормотала девушка, прикрепив одеяло к широкому выступу над окном. — Конечно, вид на библиотеку Цельсия отсюда вовсе неплох. Но зимой я с радостью откажусь от него. А что до одеяла — мужчин все равно нет, некому жаловаться на неприкрытое ложе. О, боги, боги! Когда же закончится эта зима!

Присев на низкую широкую скамью, где приходившие гости оставляли плащи с широкими остроугольными капюшонами, надежно скрывающими лицо того, кто спешит за утешением к гетере, Теренция нахмурилась.

Дыхание. Из рта вырываются белесоватые клубы пара. Даже смотреть зябко. Ужасно... И ведь сделать ничего нельзя с этим невыносимым холодом!¹ Этажом ниже располагается атрий,² с горящим огнем, хрустальным колким фонтаном, ложами,³ расставленными меж колонн, расписанных любовными фресками. Впрочем, в атрии еще прохладнее, несмотря на очаг с дышащими жаром углями! Помещение вроде бы закрытое со

---

¹ По свидетельствам современников, система отопления — гипокауст — появилась только в период поздней Империи в самых богатых домах. Короткие зимы превращались в настоящее бедствие, даже император Август носил в холода по четыре туники.

² Внутренний дворик, имевшийся в большинстве жилищ. В эфесском публичном доме он использовался как зал для беседы с клиентами. Спальни находились на втором этаже.

³ Прием пищи в те времена осуществлялся в полулежачем положении.

всех сторон. Но над ним нет крыши. И сырой ветер, дующий с моря, разгоняет тепло, остервенело треплет навес из скрипящей виноградной лозы. Мульс,¹ приготовленный для гостей, остывает мгновенно. Поэтому зимой мужчины совершенно не стремятся, чтобы их развлекали разговорами, музыкой и вином. Рассчитавшись с матроной, они сразу поднимаются наверх, в комнаты девушек.

Найти лупанарий среди многочисленных прекрасно-вычурных зданий Эфеса проще простого. Дорога от порта до города вымощена белыми мраморными плитами. На одной из них — отпечаток ступни, а слева от него — изображение женщины с пышной прической,² да еще Приапа со своим огромным вздыбленным копьём любви. В общем и целом все совершенно понятно: если жаждешь любви, если хочешь получить красивую девушку — надо идти именно этой дорогой. Кстати, скульптура Приапа установлена и возле фонтана в атриум лупанария. Гостям принято говорить: фонтан — это неиссякаемый чудесный источник. Кто выпьет воды из него, тот наберется такой мужской силы, что сами боги станут завидовать. В каком-то смысле источник и правда неиссякаем. Каждый день девушки моются в больших ваннах, и так же регулярно, каждую ночь, рабы выливают воду оттуда

---

¹ Напиток из смеси вина, воды и меда, иногда подогреваемый.

² В некоторых источниках утверждается, что публичные дома всегда строились слева от порта, якобы отсюда небезызвестное «пошел налево».

в фонтан. Однако, может, все-таки скульптура Приапа придает обычной не очень чистой воде необычайные целебные свойства? Гости, вне зависимости от возраста, всегда приходят страстные, неутомимые, жаждущие...

Если бы только сейчас здесь появился кто угодно, хоть самый последний, не утруждающий себя посещением терм раб!¹ Да что же это такое, в самом-то деле?! Вымерзли все мужчины, что ли? Как будто бы не знают, что любовные ласки — лучший способ согреться во время промозглой зимы!

Обняв себя за плечи, Теренция заходила по комнатке.

— Здешние места отвратительны, невыносимы, ужасны! — шептала она, дрожа всем телом. — Ну почему я не смогла остаться в Риме?! Почему меня продали именно в этот забытый всеми богами город, продуваемый всеми ветрами Эфес!

Внезапно девушка остановилась. И ее правильное нежное лицо озарилось радостью.

Шаги! Ну, точно, тяжелые, уверенные мужские шаги. Наконец-то!

— Теренция, милая, я безумно по тебе соскучился! Девочка моя, ты прекрасна, словно Венера. Твои губы сладкие, как нежный мед! А ты, ты думала обо мне? Зачем же на тебе так много одежды? И эта тусклая лампа, она едва светит. Неужели нельзя подлить масла, я хочу видеть тебя всю, ты такая красивая...

---

¹ Посещение и бани, и публичного дома было доступно даже рабам.

Теренция, притворно уклоняясь от губ Марка Луция Сципиона, наслаждалась жаром его крепкого тела.

Сенатор всегда пылает. Даже теперь, через тунику, сквозь тогу, кажется, будто находишься вблизи жаркого огня. Мужчина испепеляет своей страстью. А ведь он уже не мальчик, не юноша, ему за сорок. Можно представить, сколько удовольствия Марк Луций доставлял своим женщинам, когда только начал носить взрослую мужскую тогу! Он и сейчас очень, очень сильный! Готов предаваться любви всю ночь напролет!

«Уже не холодно, — счастливо улыбнулась девушка. — Этот любовник, как всегда, ловок. Вроде бы только один поцелуй, нежные объятия — а одежды на мне уже нет, даже сандалии развязаны и отброшены в сторону. И сам тоже обнажен. Я с ним всегда как в тумане. Не понимаю, когда он успевает меня раздеть!»

Теренция посмотрела на грудь сенатора, широкую, заросшую курчавыми темными волосками, на плоский живот, рельефные мышцы которого были красивее любых доспехов. И мечтательно закусила губу.

Как правило, мужчины, раскинувшись на ложе, требуют сесть на них сверху. Привычные монотонные движения быстро нагоняют дремоту. Но с Марком Луцием не до сна! Он все делает сам, он непредсказуем, он великолепен. Как же приятно быть легкой пушинкой в его крепких нежных руках!

— А где... — взгляд светло-голубых глаз сенатора удивленно коснулся жесткого ложа, потом

метнулся к окну, — сейчас, милая, давай я застелю нам тогу. Моя девочка замерзла. Обещаю, тебе будет тепло-тепло...

Скоро Теренция едва могла дышать от наслаждения. Когда внутри, в жаркой влаге, движется огромная упругая горячая плоть, пальцы любовника пробегают по груди, дразня соски, и разошедшиеся от страсти губы вдруг накрывает требовательный поцелуй... Обычно мужские ласки оставляют равнодушной. Но только не теперь! Сейчас, как ни странно, происходит это, это, и вот до сих пор, так долго, именно это...

— Я люблю тебя, — когда чуть утихла сладкая дрожь, вдруг прошептала Теренция. И испуганно открыла глаза. А если так нельзя говорить мужчинам? Марк Луций может рассердиться, любви место в супружеской спальне, не в каморке лупанария.

Правильные черты сенатора, словно высеченные умелым скульптором из камня, остались напряженно-спокойными. Только его дыхание делалось все быстрее и быстрее.

«Не расслышал», — обрадовалась девушка.

С довольной улыбкой она откинулась на спину, дотронулась до влажных твердых ягодиц мужчины, резко притянула их к себе. Сенатор сразу же замер, потом зарычал и, наконец, обессиленно вытянулся рядом.

«Он хорошо пахнет, — Теренция, перебирая темные волосы любовника, уставилась невидящим взглядом в потолок. — Мне нравится, когда Марк Луций меня обнимает. Наверное, это неправильно.

Я не должна так радоваться ему, не должна ждать. Кто я и кто он?.. Но как можно не радоваться солнцу, теплу, свету? И потом, он так богат, никогда не жалеет денег. Все-таки щедрость любовника всегда производит впечатление. Нет ничего хуже мужчин, считающих каждый сестерций...»

— Ты очень красивая, Теренция, — Марк Луций, приподнявшись на локте, нежно обвел пальцами контур ее губ. — Ты выглядишь как патрицианка. Какой правильный овал лица, упрямый подбородок, решительный взгляд... У тебя очень красивые, рыже-огненные волосы и ярко-голубые глаза. Откуда ты родом? Может, из семьи вольноотпущенников? В тебе слишком много породы! Ты выглядишь, как настоящее дитя знатных родителей! Неудивительно, если в твоих жилах течет даже императорская кровь!

Теренция, еще недавно разгоряченная и довольная, мгновенно сжалась в холодный испуганный комок.

А если он что-то узнал? Если узнал или догадался и все разболтает? О, боги! Даже здесь, в сырой комнатке лупанария, настигает ваш отчаянный беспощадный гнев...

... В императорском дворце спрятаться от матери — проще простого. Там много комнат, множество мебели. Хорошо притаиться за высоким массивным бронзовым светильником или за ложем, накрытым красной тонкой накидкой. Но лучше всего, конечно, забраться за ларарий,¹ высокий

---

¹ Алтарь для семейных богов.

массивный шкафчик, на котором расставлены причудливые статуэтки божеств и возложенные для них дары. Ларарий достаточно большой, из-за него ни за что не разглядеть тонкую фигурку дочери в белой тунике. Мама вообще относится к ларам¹ с большим почтением, ей и в голову не придет, что именно за их алтарем-домиком притаилась шаловливая дочь.

Прижавшись к теплому гладкому дереву, Теренция уже больше часа раздраженно наблюдала, как мама кружит по огромному залу.

Ведь договаривались же играть в прятки. А чем занимается мамочка? Вместо того чтобы искать дочь, она то и дело смахивает пыль со статуэток, легкий веник из длинных перьев без устали порхает по белоснежному гладкому мрамору! Да она просто позабыла о своем обещании! Сказала: «Мне нужно сначала закончить работу». Вот уж действительно, взрослым верить нельзя, они только делают вид, что обещают, а сами ради этой работы на все готовы и обо всем забывают. Надо будет как-нибудь при случае взять мамин веник и тоже попытаться смахнуть пыль. Со стороны-то кажется, что играть в прятки интереснее, а пыль — скучнейшее дело. Но кто знает, может, стоит попробовать, и тогда выяснится, что все наоборот...

Высокий мужчина в белой тоге с пурпурно-золотистой каймой, с лавровым венком на редких седых волосах появился из-за колонн совершенно неслышно.

---

¹ Домашние божества.

«Император, — обрадовалась девочка, выглядывая из-за ларария, — так вот он какой! Я часто любовалась его женой, она такая красавица. А вот его ни разу еще не видела. Оказывается, совсем некрасивый и старый. Но что это? Что он делает? Почему он прижимает мамочку к колонне?..»

Сначала ей показалось: Клавдий избивает мать, резко толкает ее вверх, стремится раздавить своим телом о мраморный столб. Но мама только крепче обхватывает его за спину, лицо ее светится от удовольствия, с губ то и дело срывается: «Еще! Как хорошо...»

От странной картины Теренцию отвлек едва слышный звук шагов, доносившийся с колоннады. Девочка обернулась, и ее сердечко екнуло.

Она...

Диковинный цветок, сияющее солнце! Валерия Мессалина, в пурпурной пале, золотых сандалиях, украшенных разноцветными искрящимися камешками, с алой лентой в копне черных локонов, всегда вызывала у Теренции лишь одно желание. Любопытаться женой императора как можно дольше. Она такая необычная, такая яркая, такая... Да даже отдыхая на ложе, с лицом, закрытым полупрозрачной накидкой, Валерия Мессалина приковывала к себе взгляд, словно богиня.

Совершенная. Непредсказуемая. Меняющаяся.

Она приближается, уже видно, как хмурятся тонкие темные брови и белоснежные зубы потухли, скрылись за красными округлыми лепестками сжатых губ.

Гроза.

Пожар.

Гнев самого Юпитера...

Чтобы не закричать от ужаса, Теренция зажала рот ладошками.

Валерия Мессалина, выглядывая из-за колонны, наблюдала за мамой и императором, и ее черные глаза, казалось, метали молнии.

— Надеюсь, теперь у нас будет мальчик.

— Дочь, — Клавдий осторожно опустил маму на пол и стал приводить в порядок свое платье, — обещает стать настоящей красавицей, как и ты. Я видел ее, когда она играла в атрии. Залюбовался, очень красива! Но я мечтаю о сыне! Британик слаб здоровьем, а жена больше не может понести. Хочу передать власть кровному наследнику.

Дочь? Мамина дочь? То есть речь идет о... Но ведь тогда выходит, что отец...

Теренция тряхнула медными кудряшками. Нет, она что-то неправильно поняла. Император — муж Валерии Мессалины, это она подарила ему двух детей — зазнайку Клавдию Октавию и совсем маленького еще Британика, бессмысленно улыбающегося любому лицу, которое он видит из своей колыбельки. Мама говорила, что Калигула выдал Валерию Мессалину замуж за Клавдия, когда ей едва минуло шестнадцать лет. Тогда над пожилым Клавдием все потешались. Старенький, он то и дело засыпал на ложе в разгар самого веселого пира. И весь Рим был в недоумении, когда именно Клавдия провозгласили императором.

Император — отец?! Он любит маму? А как же тогда Валерия Мессалина?

Теренция не помнила, сколько времени она провела, сжавшись в комок в полутемном углу зала, не заметила, когда и куда удалились из покоя взволнованные взрослые. Очнулась лишь от острого пронзительного чувства голода. Удивленно разводя ручками, она заторопилась на ту половину дворца, где ели и спали рабы, вошла в свою комнату, и...

— Теренция, беги! Беги отсюда! Иначе она доберется и до тебя тоже! Ты в опасности. Убегай, прошу тебя!

Она не послушалась слабо стонущую маму. Стояла как вкопанная, смотрела на страшную красную лужу, которая натекла из маминого живота на окровавленную тунику, на белое мамочкино лицо.

Кажется, за пределы дворца девочку тайком проводила добросердечная рабыня.

Теренция смутно помнила: ее куда-то вели, потом везли, укрыв жесткой вонючей рогожей, в тележке, запряженной осликом. Его копыта негромко цокали по дороге, протяжно скрипели несмазанные колеса. И весь мир тонул в соленом дожде слез, глаза горели так, словно бы в них щедро сыпанули раскаленных углей. Ничего не хотелось. Даже умереть, отправиться к мамочке — таких мыслей не было, вообще ни о чем не думалось. Просто текли слезы, скрипели колеса, воняла колкая рогожа...

Крестьяне, которые согласились укрыть Теренцию, жили бедно, впроголодь. Хотя ветки деревьев в их саду ломились от оливок, а коровы давали теплое жирное молоко, все это отбирали какие-то люди в блестящих звякающих доспехах. Они грузили свертки и кувшины на телеги (куда

ни кинь взгляд, везде были подводы, десятки, а может, даже и сотни!) и иногда приговаривали: «Воистину, самое великое в Риме — это его аппетит». Теренции в лучшем случае доставалась полбяная лепешка или горстка фиников. Разве это еда? Живот от нее прилип к позвоночнику, а по ночам снились то сыр, то мед, то огромный кувшин с дымящимся парным молоком.

Но лишнего рта тем не менее крестьянская семья в конечном итоге терпеть не стала.

Теренции едва минуло тринадцать, когда ее привели на рынок, где стояли, лежали, двигались сотни людей: мужчин, женщин, деток. «Живой товар выглядит каким-то полудохлым, — оглянувшись по сторонам, саркастически констатировала девушка. — И я, должно быть, мало чем отличаюсь от этих скелетов, обтянутых кожей. Нет, не зря я опасалась приютивших меня крестьян. Они только прикидывались добрыми, а сами заставляли работать с утра до вечера, кормили впроголодь и в конце концов притащили на невольничий рынок. Что ж, я рада тому, что уже скоро нам предстоит расстаться. Хуже, чем в деревне, мне у новых хозяев явно не будет...»

В тот день нещадно палило солнце, хотелось пить, поэтому прикосновения ошупывающих липких рук казались особенно противными. Для работы по хозяйству требовались девушки полные, крепкие, выносливые. Те, кто выбирал рабынь на кухню, равнодушно проходили мимо. Однако для лупанария молоденькая, гибкая, стройная Теренция подошла наилучшим обра-

зом. «Худая — это хорошо, — одобрительно кивнула матрона в дорогом платье, развязывая мешочек с сестерциями. — Толстых девушек в нашем деле не жалуют, любовница — не королева...» Сначала Теренция жалела только об одном: что ее увезли в Эфес. Рим, где оставался отец, все-таки казался пусть и ненадежным, полным опасности, но домом.

Потом она благословляла тот корабль, и огромное море, и даже долгую мучительную тошноту, не покидавшую ее на протяжении всего долгого пути.

Вести из Рима пришли и смешные, и жуткие. Но кровавых событий все же произошло намного больше. Находиться в том городе теперь было бы опасно...

Да, так и надо Валерии Мессалине, распорядившейся убить мамочку. Преступнице досталось по заслугам. Императрица окончательно спятила! И это в какой-то степени объяснимо... После того когда принимаешь много мужчин, голова пустеет, словно опорожненный горшок, в ней не остается ни одной мысли. Наверное, Валерия Мессалина от своих многочисленных кавалеров вообще утратила способность соображать (еще бы, выиграть соревнования с римской проституткой. Гетера за ночь смогла принять двадцать пять мужчин, а Мессалина всех пятьдесят)! Как только Клавдий уехал из Рима в Остию, собираясь совершить приношение богам, она надумала... выйти замуж за своего любовника, заставила понтифика провести церемонию, распорядилась вынести в сад роскошное брачное ложе. Клавдий, слабохарактерный, туго соображающий,

даже после такого позора хотел простить Валерию Мессалину, однако у нее было полно недоброжелателей. И ее убили, якобы по приказу императора, который на самом деле, скорее всего, помиловал бы беспутную супругу.

Поделом же ей! Убийца давно заслужила мучительную смерть.

Однако потом Клавдий женился на Агриппине, и разлилось такое море крови... Может, в беспутстве новая жена уступала предыдущей, но в коварстве и жестокости она, безусловно, превзошла Мессалину. Как извержение вулкана, она выжигала всех и все на пути абсолютно не имеющего никаких прав на титул императора своего сына Нерона. Она пощадила лишь дочь Мессалины Клавдию Октавию, выбрав красивую девушку в невесты своему полусумасшедшему сыну. По ее распоряжению безжалостно устранили законного наследника империи Британика. Потом — незаконнорожденных детей от официальных наложниц. Затем она стала выяснять, имеются ли прямые наследники от работавших во дворце рабынь...

В такой ситуации быть дальше от Рима — благо.

Вот только страх... Он не дает покоя. Все время стоит перед глазами бледное лицо мамочки и темнеющая лужа густой крови. У тех, кто при власти, расправа скорая. И пощады от них не дождешься. Если только Нерон узнает, что незаконнорожденная дочь Клавдия жива, мучительной смерти не избежать. Жестокий, везде видящий заговоры, он не терпит даже тени любого наследника императорского титула...

— ... Теренция?! Теренция, что с тобой?! Ты такая грустная... А у меня хорошая новость. Знаешь, я, пожалуй, решил, решился. Сниму тебе дом, подарю десяток-другой рабов, ты будешь там жить, ни о чем не заботясь, свободная, как веселая птичка! С этим занятием для тебя все кончено. Хочу, чтобы ты была только моей. Невероятно, но я тебя... Ну, в общем, все решено. Меня уже давно посещали такие мысли, и вот...

Девушка, взвизгнув, бросилась Марку Луцию на шею.

— Спасибо! Спасибо, любимый! Какая жизнь у меня теперь начнется! Совершенно новая! Я буду просыпаться на заре и сразу же велю нести себя на носилках в термы. У меня ведь будут носилки с чудесными яркими шторками! А потом я стану ждать тебя к обеду, распоряжаться насчет блюд, следить за тем, чтобы ложа, на которых мы станем вкушать пищу, были украшены цветами! О, боги! О, Марк Луций, я так счастлива!

Оживленная, радостная, Теренция плакала и осыпала поцелуями лицо своего любовника, с наслаждением кричала о том, о чем раньше не позволяла себе даже мечтать. А потом вдруг застыла как изваяние.

— Что с тобой? — Пальцы Марка Луция нежно обводили каждый позвонок на спине Теренции. — Ты испугалась? Но чего? Я же с тобой, милая.

Она кивнула и едва слышно выдохнула:

— Лепида... Как с ней быть?..

Сципион беззаботно пожал широкими смуглыми плечами:

— К счастью, моя жена слишком глупа для того, чтобы причинить нам неприятности. И потом, любовь со мной ее никогда особо не интересовала. Ей хотелось войти в мою знатную семью, я же был рад получить ее приданое. Лепида красива, но холодна как лед. К тому же она настолько недалекая женщина, что у меня нет никакого желания навещать ее в спальне. С дурами и любовь не в радость, честно! Подозреваю, она от такого отношения совсем не страдает. Как-то я наблюдал за ней в термах. Прекрасные рабыни помогали Лепиде не только мыться...

Кушадасы, май 2009 года

Пожалуй, прошло два дня перевозки воды.

Обида на мужа отпускает меня только теперь.

Сквозь еще не рассеявшиеся облака стало пробиваться солнце, я выбралась на пляж, растянулась в шезлонге. И, различая в гоготании немецкой речи (бюджетный четырехзвездочный отельчик на берегу Эгейского моря, в котором мы остановились, просто оккупирован бюргерами) нежный ласковый шум волн, начинаю чувствовать к Ленке искреннюю благодарность.

Я очень редко отдыхаю, последний раз мы выбирались на море лет семь назад, в Болгарию. Профессия у нас та еще, оба — судебные медики. А труд экспертов — это катастрофически ненормированный рабочий день. С утра — вскрытия, потом суды, проверка показаний на месте, затем до ночи — оформление экспертиз. Разобраться с те-

кущей писаниной невозможно физически, часть актов всегда остается на выходные. В понедельник — новый круг любимого ада, работа нон-стоп, поэтому к отпуску мы с супругом подходим, как сироты казанские. Изрядно поизносившись (нет времени выбираться в магазины за обновками), почти без друзей и родственников (прокляли в третьем поколении за то, что мы опять пропустили важные юбилеи и праздники), с еле дышащим, кряхтящим всеми своими деталями автомобилем. Да еще и квартира, предательница, как-то регулярно ветшает. То покупки, то гости, то ремонт — и отпуск вдруг заканчивается.

Но наконец твердо решили — пропади оно все пропадом, потом разберемся с бытовыми делами, а теперь едем на море. Выбрали курорт, отель (не так чтобы уж очень шикарно, но достойный мидл-класс, все-таки один раз живем, чтобы слишком экономно экономить) — и тут моему драгоценному зачем-то понадобилось сломать ногу. На ровном месте упал! Перелом — серьезнейший, со смещением... Мужики, с моей точки зрения, вообще создания беспомощные, а уж болеющие — и вовсе сущими детьми становятся. Ну, как Ленька без меня, но с костяной ногой? Вообще-то при таких проблемах со здоровьем, конечно, дают больничный. Но муж визжит, что с ума сойдет в четырех стенах и не собирается сидеть дома. В принципе худо-бедно он со своим гипсом пару вскрытий в день проведет (часто ежедневно с шестью-десятью трупами приходится иметь дело, но моему инвалидику, конечно, разрешат похалтурить). Однако

кто будет его отвозить на работу? Сын с невесткой живут на другом конце Москвы и при всем желании не смогут прорваться к нам через перманентные пробки. А еда?! Кто накормит моего брошенного сиротинушку?! Я, конечно, иногда, увлекшись описанием «огнестрела», сжигаю рис и котлеты, но супруг же вообще готовить не умеет! «Ничего, я справлюсь, — утешал меня благоверный, откладывая костыли. — И собак наших детям не придется отдавать — все-таки им неудобно было бы с непривычки с двумя псами возиться. Деньги не пропадут за твою часть путевки. Уж как-нибудь разберусь: еду приготовлю, с Лаймой и Боськой погуляю. Собаки у нас старые, спокойные, с ними проблем не будет. Не волнуйся, о себе хоть раз подумай. Наташа, ты ведь уже сто лет не отдыхала!» Он был прав, но так не хотелось оставлять его и путешествовать одной. Знаю я такие поездки: никакого отдыха, от мужиков бы отбиться. По паспорту лет мне неприлично много, в портмоне — фотография подрастающей внучки, но внешне я выгляжу как обаятельная рыжеволосая барышня немногим за тридцать. То, что надо для курортного романа с точки зрения большинства мужчин. Повезло мне с генетикой, и маму мою за сестру-ровесницу принимали. Хотя бывают ситуации, когда я о своей эффектной внешности искренне жалею — отваживание ухажеров занимает много времени и сил, а со всем этим у меня напряженка.

Но Ленька пропустил все мои аргументы мимо ушей. Бормоча: «Рыжая, не нервируй меня!» — все-таки заставил собрать чемодан, вызвал такси. Да

еще и сам со мной отправился — проконтролировать, чтобы я никуда не сбежала из аэропорта. Ведь я могу! Возле аэропортов и вокзалов часто живут бродячие собаки. Собаки — моя слабость, бездомные песики — боль... Я всегда помогаю приюту для животных: собираю деньги, покупаю корм. Когда вижу на улице такую животинку, затравленную, облезлую, с надеждой разглядывающую двери магазина, у меня сердце кровью обливается. Ох, как хорошо Ленька меня знает: как-то раз, покупая псу мясо и обрабатывая подбитую лапу, я даже опоздала на поезд.

Итак, вот — вопреки всему — все-таки Турция...

Она оказалась совершенно не такой, как представлялось за просмотром буклета в туристическом агентстве. Никакого буйства сине-зеленых красок — свинцовое море, пасмурно-серая, сочащаяся дождем губка неба, сосны и пальмы тоже какие-то нахохлившиеся. Отель, не обработанный в реальной жизни фотошопом, выглядел не столь сверкающе-презентабельным. Окна моего номера выходили на море, но я сразу поняла, что наслаждаться свежим морским бризом, увы, не придется: даже при «задраенных люках» в комнате чувствовались все запахи расположенной этажом ниже кухни. Попытки сначала дать взятку, а потом закатить истерику на рецепции успехом не увенчались. Миловидная темноволосая девушка, натянуто улыбаясь, упрямо твердила, что ей очень жаль, но теперь в отеле большой наплыв туристов, и номер без кухонной «ароматерапии» ос-

вободится не раньше чем через неделю. С учетом того, что у меня тур всего на десять дней, я, разумеется, буду счастлива перед отъездом перебраться в более комфортную комнату! Вдобавок ко всем бедам за ужином пожилой немец одаривал меня такими страстными взглядами, что я невольно подавилась. И окончательно разозлилась на Леню. Мог бы и не ломать ногу. Или разрешил бы мне остаться в Москве!

Но вот теперь, всей кожей впитывая ласковые поглаживания солнца и теплого ветерка, предвкушая обнимающие прохладные волны, я, кажется, пьянею от моря, счастья, от похожей на наше лето южной весны. И чувствую искреннюю признательность мужу, вытолкавшему меня из душной загазованной Москвы.

— Я могу лежать на этот шезлонг? Или он занят? А, я знаю, занят. Красивые женщины никогда не есть свободные!

Поворачиваю голову на звонкий, с жутким акцентом голос. Его обладатель — типичный немец, рыжеволосый, голубоглазый, жизнерадостный. Лет тридцати пяти — сорока, худощавый. Мне нравится его стрижка — спереди короткий ежик, сзади длинные, вьющиеся колечками пряди. Интеллигентные очки — не солнечные, обычные, со светлыми стеклами, в тонкой золотистой оправе — внушают доверие. Смешная сережка в одном ухе — второе ухо не проколото. Еще так и тянет по-дурацки расхохотаться, мужчина вроде бы говорит по-русски, но интонации — словно в немецких порнофильмах. Все, как ранее и предполагалось: начинаю поль-

зоваться успехом. Леня, Леня, а ведь я тебя предупредила.

Даже обидно, что муж на редкость не ревнивый. Не уверена, что в аналогичной ситуации вела бы себя столь же великодушно! Я, конечно, сама не ревную, но хату в случае чего спалю. И со шваброй по квартире погоняю — для профилактики. Чтобы я отпустила мужа отдыхать одного — да ни за какие коврижки! Ленька же поспокойнее в этом плане. Верит, не сомневается...

Впрочем, я не всегда в полной мере оправдываю оказанное мужем доверие. Он не догадывается, что порой его отсутствие — как мучительная невозможность уцепиться за берег в бурном потоке чувств. Но я тем не менее стараюсь не пачкать супружеские отношения физической изменой. Даже если очень хочется. Мой Леня — самый лучший, такой любимый, понимающий и великодушный. А искушения существуют для того, чтобы их преодолевать. Хотя иногда с этим тезисом ой как хочется поспорить. Не понимаю, как мне все же удалось устоять перед таким красавчиком, как Михаил Панин.¹ До сих пор помню его манящий, обещающий нежность взгляд...

— Меня звать Дитрих. Я — историк, работать в высшей школа. И я люблю путешествовать. Каждый год — новая страна. — Он уже сидит на соседнем шезлонге и, не смущаясь, одобрительно рассматривает мои ноги. — А какое ваше имя? И чем заниматься вы?

---

¹ См. роман «Последняя тайна Лермонтова».

— Я заниматься врач-проктолог.

— Какой врач? Про-кто-лог? Я знаю — хирург, пе-ди-атр.

Перевернувшись на бок, я звонко хлопнула себя по ягодице:

— Я лечу вот это, ферштейн?

Немец мгновенно покраснел и смущенно улыбнулся. А я, хотя и соврала, не испытала ни малейшего укора совести.

Нет-нет, увольте меня от расспросов про работу.

... Вообще-то у меня наличествует дурная привычка — резать людей правдой-маткой, даже когда меня ни о чем не спрашивают. Говорю быстрее, чем думаю. Если вообще думаю. Врать не люблю и не умею. Хотя бывают исключительные случаи. Все, что связано с профессией судебного медика, например, для меня уже стало поводом ироничных шуток.

О! Я наизусть знаю те многочисленные вопросы, которые возникают у далеких от нашей кухни людей.

Сначала меня спросят, едят ли эксперты в секционных. Само собой! Только там и питаемся, очень удобно. В одной руке скальпель, в другой бутерброд с колбасой. Пикантный аромат крови, формалина и содержимого кишечника здорово стимулирует аппетит! А если серьезно, то для этих целей у персонала морга есть специальная комната, с микроволновкой, чайником, кажется, даже небольшим телевизором. Я туда почти не заглядываю, предпочитаю сгрызть па-

кет орешков возле компьютера. И еще хорошо отметить выполнение экспертизы парой стаканов молока. Я не думаю, что работа судмедэксперта особенно вредна (хотя по некоторым параметрам мы здорово рискуем, во время вскрытия можно заразиться туберкулезом или, не приведи господь, ВИЧ). Однако у меня с годами развилась наркотическая зависимость от молока, как будто бы вкалываю на самом вредном производстве. Если литр в день не выпью — ко мне лучше не соваться, загрызу! Но возвращаясь к теме полноценного обеда. Времени на него нет. В том числе и официально — никакой перерыв, даже самый коротенький, не предусмотрен. Эксперт, видимо, должен всегда трудиться как робот!

Еще один актуальный блок, очевидное-невероятное, — пытливая любознательность дилетантов. Про оживающие трупы. О! Как же не спросить — бывало ли такое, что к вам привезли покойника, а он вовсе даже и не покойник? Вы ему брюшную полость разрезаете — а он как обрадуется, как завоет?! Да-да. Бывает. Сурова и страшна наша статистика:

— каждый третий человек на самом деле умирает в морге от вскрытия;

— каждый второй находит в себе силы сбежать с секционного стола;

— каждый первый тянет к эксперту холодные пальцы и душит его, душит. А потом хватает скальпель и проводит аутопсию¹ уже судебному медику.

---

¹ Вскрытие.

Впрочем, шутки шутками, а как-то раз иду я вечером по морговскому коридору. Время позднее, пора домой собираться, а мне все нейдет. Решила, что надо еще раз рану на трупе осмотреть, затерзали меня ближе к ночи смутные сомнения. Теперь, правда, не помню, какие именно, но не в этом суть. Итак, коридор морга, полумрак, никого уже нет, трупы, вдоль стен на катаалках лежащие, конечно, не в счет. И вдруг слышу приятный такой мужской баритон, с игривыми интонациями: «Привет... Как дела? Ты меня ждешь?» В обморок, конечно, не шахнулась. И мурашки по спине не поползли, с нервишками у меня все в порядке. Однако все же как-то удивленно задумалась: в самом деле, как у меня дела и кого именно я жду или не жду?.. Что оказалось. Васька, санитар, между катаалками на корточках присел, решил с кем-то по телефону полюбезничать. А что атмосфера? Не благоприятствует нежным беседам? Да Вася тот в упор не видит уже каталок с одетыми навывнос трупами, они для него — как деталь интерьера, как плитка на стене. Действительно, привыкаешь со временем к внешним проявлениям смерти, не обращаешь внимания, не боишься. Но вместе с тем есть и то, к чему привыкнуть невозможно, — боль родственников, потерявших своих близких. От сочувствия мучительному горю и слова утешения не находятся, только жалко очень, мычишь что-то маловразумительное. А сердце невыносимо ноет. И так каждый день, много лет подряд — а все равно обида и недоумение захлестывают как в первый раз. Но если взглядеться пристально в эти муки (честно

и беспристрастно), то там, на самом дне, видны непривлекательные всполохи неконтролируемой, тщательно скрываемой радости. С тобой и твоими родственниками ведь ничего не произошло, мимо беда прошла, стороной, только холодом и слезами повеяло...

Ну и последнее, наверное. Черный юмор судмедэкспертов. Есть или нет? По мне — так вот нет. Мы — белые и пушистые. А черный юмор — весь у следователей. Меня поражает в них скудость ума в сочетании с буйством фантазии. Недавно одна деваха, занимавшаяся расследованием смерти младенчика, выдала эксперту пассаж. Дескать, скажите, уважаемый специалист, мог ли младенец выпасть из окна без постороннего вмешательства. Я, как всегда в таких случаях, возбудилась, перезвонила этой козе из следственного отдела. И поинтересовалась, как она вообще до такого додумалась — что груднички сами в окно сигают?! Деваха в трубку попыхтела-посопела и застенчиво выдала: «Ну, может, он шел-шел, оказался у окна, заигрался и упал». В два месяца! Дошел, взобрался на подоконник, заигрался! Ладно, бог с ней, с девицей, она молода — и у нее есть шанс если не поумнеть, то сделать ценное открытие о невозможности двухмесячных деток ходить ножками. Но ведь большинство-то следователей — люди взрослые, а чудные! Недавно на дежурстве был выезд на труп, обнаруженный в гаражном кооперативе. Приехали — мужичок возле «ракушки» на земле валяется, в спину нож воткнут. Не надо тут быть семи пядей во лбу, чтобы понять: проткнули

бедного дяденьку, и рука у злодея не дрогнула! Но нет — следователь скребет лысину и начинает рассуждать: «Может, мужик не убил, а с собой покончил? Вы скажите, Наталия Александровна, могли он себя так ловко в спину пырнуть? Не выйдет, рука под таким углом не гнется? Понятно. Ах, как жалко! Но ничего, кто ищет — тот находит, ведь он мог по-другому поступить. Вон там возле забора кирпичи кто-то сложил, видите? А что, если он нож между кирпичами засунул — а потом спиной да на лезвие с разбега?..» Блин, видел бы кто те кирпичи! Мало их там, невысоко они сложены, до середины бедра всего лишь доходят. Получается, даже если отбросить абсурд следовательской версии, потерпевший должен был в полуприседе о кирпичи спиной шахаться! Смех смехом, но я потом действительно вынуждена была в заключении писать, что очень сомневаюсь в возможности покончить с собой, пятась на корточках к зажиму в кирпичах ножу. Это только в книжках следователи с огнем в глазах азартно расследуют преступления. В реальной жизни пыл на другое направлен — уголовное дело не возбуждать. А поиск преступника, неотвратимость наказания, справедливость — это все из области литературы. Кстати, не то чтобы я осуждаю подобную поэтизацию образа. Иногда даже сама в детектив краем глаза загляну или под криминальный сериал уборку затею. Ну и нормально — милиция там такая вся из себя порядочная. Пусть люди видят хорошее, верят в лучшее. Сегодня и так все вокруг нервные, несчастные...

Впрочем, что я все над следаками ерничаю. И у нашего брата смешные проколы случаются. Помню, был у нас начальником бюро судебно-медицинской экспертизы один дядечка, склонный к публицистическим излияниям. Статьи любил писать — про совесть, нравственность и прочие моральные категории. К нему человек в кабинет заходит, а он бац ему — и статью «Как начать жить по совести?» в качестве презента. Человек сразу напряженно думает: что именно в его облике натолкнуло на мысль о необходимости такого чтения?! А еще тот начальник бюро очень рассеянным был, и мы иногда над этим подшучивали. Привел он как-то в морг выводок ментокурсантов, им полагается такие места посещать. Заходит в одну секционную, бодренько спрашивает у эксперта: «Что тут у нас?» — «Двойное удушение». Начальник глаза трет — одна жесткая странгуляционная борозда на шее трупа. «Ну, как же, — продолжает потешаться эксперт, — вот на этом столе труп с удушением, и на том — тоже. Итого — двойное. Что же вы забываете-то нашу терминологию? От жизни оторвались!» Начальник в следующую секционную молодых ментов загнал, а там тоже два трупа, уже с извлеченными органокомплексами, оба — с явными следами ишемической болезни сердца, ИБС. «Вот, обратите внимание — случай двойной ИБС», — продолжил учить молодежь шеф.

— ... Вы уже выбирать экскурсии? Мы можем ехать вместе! Я понимать русский, мне русский гид — очень хорошо, практика, — радостно щебечет

Дитрих. Он отметил отсутствие на моей руке обручального кольца и почему-то приободрился. Зря: судебные медики обычно колец не носят, украшения вместе с перчатками на раз-два снимаются. — Эфес, Памукале — здесь есть много интересного! А еще мы можем выбрать прогулка на яхта.

Я собираюсь его расспросить о местных достопримечательностях поподробнее. Все-таки хочется составить хоть какое-то впечатление о стране. Пока я вообще не чувствую себя в Турции! Вокруг — немцы, а персонал отеля, как ни странно, в большинстве своем обладает скорее славянской, нежели восточной, внешностью. И я видела много светловолосых горничных! Почему? Здесь рядом Греция, но там тоже все смуглокожие, черноглазые... Пожалуй, надо действительно съездить на экскурсии. И обязательно выбраться в город. А как иначе понять, какая она, Турция! У бассейна или на морском пляже дыхание страны не почувствуешь. Гид говорил, что возле отеля останавливается местная маршрутка — долмуш. До центра Кушадас всего минут двадцать езды.

Но озвучить свои мысли я не успеваю. Внимание внезапно привлекает хрупкая женская фигурка в красном купальнике, несущаяся вдоль берега с истошными истеричными криками:

— Помогите! Егор тонет! Где спасатели?! На помощь! Кто-нибудь, господи, господи! Ну что вы лежите?! Ребенок там тонет! Помогите! Я плавать не умею!

Пока я вскочила с шезлонга, немца рядом уже не оказалось — помчался к перепуганной бледной

женщине. Мне стали заметны две быстро удаляющиеся спины, потом, взревев, море вспенила белая шустрая лодка с синей полоской вдоль борта...

Наш отель называется «Long Beach». Чистая правда: линия пляжа не просто длинная, она огромная, многокилометровая. Чуть ли не до горизонта уходят длинные ряды шезлонгов, перемежающихся зонтиками из чуть растрепанного тростника. Оказывается, в этом есть и минусы, в непредвиденных ситуациях так сразу и не получится прийти на помощь.

«Дура, что же я стою? — пронеслось в голове. — Надо скорее туда, оказать первую помощь, врач отеля так быстро не успеет. Не приведи господь, еще кто угробит ребенка, с наилучшими намерениями, конечно. Не все же медики!»

Эфес, I век н.э.

— Феликс! Феликс... я с тобой разговариваю! Ты что, оглох?! Нет, клянусь всеми богами, с таким усердием тебе не миновать розог!

Квинт, надсмотрщик за рабами, занятыми в общественном туалете, орал что было сил. Но Феликс не слышал его гневных воплей. От едкого запаха человеческих испражнений он почти все время находился в каком-то странном состоянии, напоминающем сон с открытыми глазами. Тело наливалось свинцовой тяжестью. В голове делалось пусто-пусто...

Перед Феликсом, на мраморных скамьях с круглыми прорезями для отправления естественных